

Mélanges asiatiques
tirés du
Bulletin de l'Académie Impériale des sciences
de
St.-Petersbourg.

Tome XVI.
(1913—1914).

Petrograd.

Яфетическіе элементы въ языкахъ Арменіи.

Н. Я. Марръ.

(Доложено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 16 января 1913 г.).

V.

1) арм. *tat* [$< *tat\text{-}^o/i$] *бабушка*; *h. han*- $^o/i$ (*han-ik*) $>$ *han* *бабушка*;—2) *h. wid*-
 [$< *wud\text{-}$] *гасаніе*: *wid-an-em* *гасну*, *wid-uŋ-an-em* *гашу*.

1) Въ терминахъ родства, какъ и въ другихъ лексическихъ отдѣлахъ языковъ Арменіи вскрываются слова, происходящія изъ различныхъ яфетическихъ источниковъ; въ случаѣ, касающемся первыхъ двухъ словъ, армянскій языкъ сохранилъ терминъ изъ -п—развѣтвленія яфетической вѣтви, хайскій языкъ, если наша яфетическая этимологія *h. han-i* не вызвана случайнымъ созвучіемъ, — изъ -q—развѣтвленія той же вѣтви¹⁾.

а) Въ картскомъ, т. е. въ одномъ изъ яфетическихъ языковъ -п развѣтвленія, какъ известно, *мать* гласитъ ded-a-u , что представляетъ видъ съ усѣченной формой женскаго рода (-а $<$ -al); слово сохранилось и съ полною формой того же ж. окончанія (-al), но въ значеніи *самка* (вульг. преимущественно *самка курица*): ded-al-i . Давно уже выясненъ какъ корень этого слова $\text{dd} (< \text{wdd} || \text{bdd} > \text{bd})$ въ связи съ установленіемъ родства яфетическихъ языковъ съ семитическими (яф. $\text{wdd} ||$ сем. wld), такъ контингентъ

1) Только-что совершенная мною лингвистическая побѣдка въ Абхазію дала матеріалъ для пересмотра яфетической теоріи въ отношеніи къ вопросу не только объ абхазскомъ, но и о сванскомъ и объ языкѣ 2-й категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей. Главное приобретеніе, требующее поправки въ соответственной части яфетической теоріи, состоитъ въ томъ, что въ яфетической вѣтви языковъ приходится признать по образованію мн. числа и другимъ морфологическимъ особенностямъ два развѣтвленія, одно—состоящее изъ языковъ -п (картскій и тубал-каинскіе), другое — изъ языковъ -q (абхазскій и прилегающіе къ нему); сванскій въ наличномъ теперь видѣ и языкъ 2-й категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей относится къ мѣшанымъ типамъ. Подробности особо.

словъ отъ того же корня въ грузинскомъ и въ ближайше сродныхъ съ нимъ языкахъ. По этимъ матеріаламъ видно, что *ded-al-i* > *ded-a-y*, получившее въ каргскомъ значеніе *мать* > *самка*, собственно значить *родительница*. Сейчасъ рѣчь не о тѣхъ матеріалахъ, а о формѣ даннаго слова, прежде всего объ его суффиксѣ ж. рода *-al* > *-a*¹⁾. Тубал-каинское идеально точное соотвѣтствіе каргскаго *ded-al* было бы *dad-ol, чѣд и сохранилось съ обычнымъ передвиженіемъ *o* > *u* въ м. $\text{ճճՅՅՅՅ} \text{dad-ul-i}$ *самка*, *курица* (въ ч. только *курица*, а по Февзия-бею «*цыплята*», вѣроятно, «*молодая курочка*»), съ усѣченной формою ж. окончанія $\text{ճճՅՅ} \text{dad-u id.}^2)$.

Могъ бы существовать языкъ яфетическій, въ которомъ наше слово, съ ж. окончаніемъ означающее *мать* > *самка*, безъ ж. окончанія значило бы *отецъ* (*родитель*) > *самецъ*, но въ общемъ яфетическіе языки мы застаемъ на такой ступени развитія (разрушенія), что отождествлять грамматическій родъ непременно съ поломъ нѣтъ никакого основанія: слова, обозначающія лицъ мужского пола, часто снабжены женскимъ окончаніемъ, напр. слово *отецъ*, *самецъ*, въ каргскомъ гласящее $\text{ճճՅՅՅՅ} \text{tam-al-i}$ > $\text{ճճՅՅ} \text{tam-a-y}$, также проявляетъ ж. окончаніе (*-al* > *-a*), происходя правда отъ другого корня ($\text{mm} < \text{tmm} \parallel \text{bb} < \text{zbb}$ и пр.). Потому то основа *ded-* и безъ женскаго окончанія могла бы означать *мать* < *самка* (въ лѣшскомъ нарѣчій сванскаго запм. изъ карг. $\text{ճճՅ} \text{ded}$ такъ и значить *самка*); тубал-каинское точное соотвѣтствіе такого слова безъ ж. окончанія звучало бы *dad-^o/*, чѣд и сохранилось въ м. $\text{ճճՅՅ} \text{dad-i}$, но въ значеніи *бабушка*. Первоначальное значеніе *мать* тубал-каинской разновидностью сохранено въ мокскомъ курдскомъ нарѣчій, гдѣ *мать*, по доставленнымъ И. А. Орбели матеріаламъ, гласить $\text{q}^{\text{w}}\text{q}^{\text{b}} \text{dâd-e}$ (наличныя тамъ же $\text{q}^{\text{b}} \text{d-e}$ *мать* и $\text{q}^{\text{w}} \text{dâ-}$ въ сложномъ $\text{q}^{\text{w}}\text{q}^{\text{b}}\text{r} \text{dâ-rîq}$ *бабушка*, *повиновная бабка*³⁾) представляютъ, очевидно, усѣченныя формы въ первомъ случаѣ безъ начального слога, во второмъ — безъ конечнаго (ср. Н. Марръ, *Еще о словѣ «челоби»*, стр. 139, прим. 2)⁴⁾. Семасіологическое основаніе для использования слова, означающаго *мать*, въ патриархальномъ быту въ

1) Нужно ли напоминать, что исходный *i* > (послѣ гласнаго): *y* есть яфетическое окончаніе Н. надежа, специально каргское, въ тубал-каинскихъ представленное закономерно гласнымъ *e*.

2) Я не привожу здѣсь сванскихъ эквивалентовъ (Н. Марръ, *Яфет. происх. абх. терминовъ родства*, стр. 425), представляющихъ по существу, какъ это теперь выясняется, тубал-каинскій вкладъ въ сванскій языкъ.

3) Ср. $\text{ճճՅՅՅՅ} \text{deda-ber-i}$ *старука*. Кстати, въ нашей фонетической транскрипціи арм. буква *h* имѣетъ первоначальное значеніе русск. *э* = лат. *e*, а не *ue*, что въ запяченыхъ диалектическихъ текстахъ армянскимъ писемомъ слѣдуетъ передавать черезъ *h*.

4) Къ усѣченію $\text{q}^{\text{w}}\text{q}^{\text{b}} \text{dâd-e}$ въ $\text{q}^{\text{w}}\text{q}^{\text{b}}\text{r} \text{dâ-rîq}$ *бабушка* параллель представляетъ усѣченіе мокскаго курдскаго $\text{r}^{\text{w}}\text{r} \text{bâb}$ въ мок. курд. $\text{r}^{\text{w}}\text{r} \text{bâ-rîq}$ *бабушка* (есть и въ другихъ нарѣчійхъ съ нимъ произношеніемъ).

значеніи *бабушки* не нуждается въ особомъ поясненіи¹⁾; то же самое наблюдаемъ въ одномъ изъ армянскихъ говоровъ съ каргскимъ «դէճօ» *ded-i*: у лорійскихъ армянъ, по словамъ А. А. Лористъ-Калантара, դե՛ղի *dèd-i* значить *бабушка*²⁾; въ другомъ тубал-кайнскомъ языкѣ, именно въ чанскомъ «ճճօ» *dad-i* значить *тетка* (какъ по матери, такъ и по отцу), и это семасическое использование слова, первоначально означавшаго *мать*, также легко получаетъ свое оправданіе³⁾, но та-же тубал-кайнская разновидность *dad-ի* сохранила и въ тубал-кайнскихъ языкахъ слѣды основного значенія «*мать*»: въ чанскомъ языкѣ «ճճօ» *dad-e* > «ճճօ» *m-dad-e* значить *посаженная мать*, какъ впрочемъ и въ турійскомъ говорѣ грузинскаго языка; въ другихъ говорахъ грузинскаго языка это — «дружка со стороны невѣсты»; а въ мингрельскомъ языкѣ не только «дружка», но и «шаферъ» (и жениха и невѣсты). Въ грузинскомъ языкѣ и его говорахъ эта разновидность съ огласовкою а вм. е заимствована изъ тубал-кайнскихъ, чанскаго или мингрельскаго. Изъ того же источника происходитъ, очевидно, какъ сохранен-

1) Въ связи съ этимъ и появленіе термина «bab-a» (н. զիւզ բաբ) у свановъ въ значеніи *дядя*, какъ мнѣ теперь представляется, правильнѣе толковать какъ новое семасическое развитіе слова «bab-a *отецъ*, а не какъ особое сложное слово, означающее *отецъ отца* (ср. Н. Марр, *Историческое происхождение абхазскихъ терминовъ родства*, стр. 424). Любопытно, что каргская разновидность слова *отецъ*, у лорійскихъ армянъ означающая *дядя* (см. ниже, прим. 2), въ курдскомъ, гдѣ она сохранилась въ качествѣ флетическаго пережнания (родомъ съ *bav* [въ мокекомъ нарѣчій բավ *bāv*] *отецъ*, Н. Марр, *Еще о словахъ «человекъ», и. м.*) въ формѣ *mām* означаетъ *дядю* (со стороны отца) (отсюда *duḡmām* *двоюродная сестра*, букв. *дочка дяди*, разнѣм *родственниковъ не первой крови*, букв. *сынъ дяди*); такъ обстоитъ дѣло, по личному сообщенію Г. А. Орбели, въ мокекомъ курдскомъ нарѣчій, отсюда и въ мокекомъ армянскомъ нарѣчій: «բավմամ» *rozām*, однако съ простымъ а въ Р. падежѣ, «բավմամն» *rozamān* и по мн. ч. «բավմամքն» *rozamamkēn*. Justi въ *Dictionnaire Kurde-Français* для курд. *rozām* приводитъ значеніе «племянникъ», а для его разновидности, къ сожалѣнію, по малонадежному Garzoni, *bsman* — «cousin», хотя *ruḡmām* свидѣтельствуетъ и Letich'om; такую же разновидность съ п (вм. m) приводитъ Justi и для *duḡmām* (< «*dukkhātām*» [duḡḡ-tām] подъ «*دوام*» «*doḡmām*» [du-ḡmām]); арабская орографія для курд. слова *mām*, теср. *mām*, въ видѣ «مع» *māc*, какъ это приведено въ цитованномъ словарѣ, находится въ зависимости отъ искусственной этимологіи: Justi производилъ курд. *дядя* отъ араб. عم (см. н. с. подъ «*بِسْمَاع*» «*مع*»)! Съ другой стороны, и для меня представляетъ большой вопросъ, могъ ли флетическій терминъ, означающій *отецъ*, да еще съ потерєю ж. окончанія, быть перенесенъ на существо ж. пола, и посему сомнѣваюся, чтобы арм. «*մամ*» [մամ] *mām-e* > «*մամ*» *mām-i* > «*մամ*» *mām*, означающее *бабушку*, иногда *прабабушку* (С. А. матуни, *Հայր բաւ ու բւծ*, Вагаршанатъ 1912, с. 7, въ формѣ «*մամ*» *mām* терминъ проникъ и въ байкскій языкъ у Мхитара Гоша въ *Судебникѣ*), и курдское *mām-i* со значеніемъ *самка курица* (ср. Justi, *Dictionnaire Kurde-Français*, s. 7.) могли быть отнесены къ флетическимъ матеріаламъ.

2) Каргская разновидность слова *отецъ* (ճճօ *mām-a*) безъ женскаго окончанія въ томъ же лорійскомъ армянскомъ говорѣ звучитъ «*մամ*» *mām-i* и значить *дядя*.

3) Приходится, конечно, отказаться отъ соблазнительной мысли усматривать въ *dad-i* сложное слово съ первоначальнымъ значеніемъ «сестра (da) матери (dia)», при каковомъ толкованіи оно должно было быть каргскимъ, а не тубал-кайнскимъ.

ное курдскимъ, въ частности въ его мохскомъ нарѣчїи— $q\acute{u}q\acute{t}$ $d\acute{a}d$ -e съ первоначальнымъ значенїемъ *мать*, такъ наличное въ армянскомъ языкѣ tat (< * tat - $\frac{0}{i}$) *бабушка*: все отличїе армянскаго эквивалента—въ мутуаціи, столь характерной для языковъ Арменїи. Въ армянскомъ же это слово входитъ въ составъ сложнаго tat - $ma\acute{u}r$ *повивальная бабка*, діал. tat - $me\acute{u}r$ *тат-мер* (изъ посредствующей формы * tat - $me\acute{u}r$ * tat - $me\acute{u}r$, въ хайск. транс. * tat - $me\acute{u}r$, ср. курд. $d\acute{a}$ - $p\acute{u}r$); любопытно аналогичное по первой части грузинское (въ Гурїи) составное слово въ значенїи *повивальной бабки*— $deda$ - $mani$ - a , гдѣ въ соотвѣтствїе арм. tat , resp. т.-к. $d\acute{a}d$ - $\frac{0}{i}$ является его картскїй эквивалентъ съ женскимъ окончанїемъ ded - a - y .

Итакъ въ яфетическихъ языкахъ - i развѣтвленїя форма безъ ж. окончанїя проявляетъ въ основѣ то-же значенїе *мать* > *самка*, какъ и форма съ ж. окончанїемъ. Быть можетъ, это явленїе не первичное, а связано съ тѣмъ, что въ значенїи [*родитель*] *отецъ* > *самецъ* возобладали корень mm (< mm | mw , resp. bb | bw > bb | bw > b), отъ котораго происходятъ к. man - al - i и его разновидности.

Какъ бы то ни было, если обследованное выше слово, съ ж. окончанїемъ имѣя значенїе *мать* > *самка*, безъ женскаго окончанїя обнаружило бы значенїе *отецъ* > *самецъ*, то это, какъ было уже сказано, насъ не должно было бы смутить, т. е. не было бы основанїя недоумѣвать, если бы, напр., т.-к. $d\acute{a}d$ - $\frac{0}{i}$, resp. съ армянскою мутуаціею * tat - $\frac{0}{i}$ > tat , въ какомъ либо яфетическомъ языкѣ всплыло со значенїемъ *отецъ* > *самецъ*, по къ этой подробности придется еще вернуться въ связи съ вопросомъ, не имѣющимъ прямого отношенїя къ темѣ настоящей замѣтки.

b) Другое, именно хайское, слово han - $\frac{0}{i}$ (han - ik) > han въ значенїи *бабушки* сейчасъ не требуетъ столь долгаго объясненїя съ формальной стороны; достаточно указать, что въ немъ также имѣется, по всей видимости, яфетическое слово, первоначально означавшее *мать*, и оно съ такимъ значенїемъ налицо въ языкахъ - q —развѣтвленїя яфетической вѣтви: это абх. $\grave{a}$ - an *мать* и его эквиваленты (см. Н. Марръ, *Яфет. происх. абх. терминовъ родства*, стр. 425), въ числѣ которыхъ не надо упускать изъ виду черк. или адыг. han - e *мать*, сохранявшаго въ началѣ спирантъ, наличный и въ хайскомъ «заимствованїи». Здѣсь, правда, возникаетъ иное затрудненїе: выяснено уже индоевропейское происхожденїе han - $\frac{0}{i}$ цѣлымъ рядомъ иныхъ фактовъ¹⁾. Но мнѣ кажется, что, когда вышнее созвучїе имѣетъ

1) Hübschmann, *AG*, стр. 463, 226.

свое оправдание в системѣ дѣйствительно существующихъ соотношеній языковъ, нельзя умалчивать о фактахъ, хотя бы пока они казались лишь заманчивыми. Тѣмъ болѣе, что съ одной стороны, наука въ лицѣ наиболѣе авторитетныхъ своихъ представителей упорно игнорируетъ даже безспорное историческое въ теченіи тысячелѣтій взаимное общеніе сближаемыхъ нами языковъ и отнюдь не учитываетъ очевидныхъ его результатовъ для вопроса о лингвистическихъ скрещеніяхъ и перерожденіяхъ въ обширной части древняго культурнаго міра, а, съ другой стороны, несмотря на заманчивость и индоевропейскихъ эквивалентовъ спорнаго слова, у самыхъ индоевропействовъ-лингвистовъ, такъ у Hübschmann'a, въ данномъ случаѣ замѣчается основательное колебаніе касательно приемлемости индоевропейской этимологіи.

2) Наблюденія надъ абхазскимъ языкомъ, притомъ непосредственно надъ живою рѣчью, вскрыли новый путь къ распознаванію и признанію яфетическихъ элементовъ въ языкахъ Арменіи. Остановлюсь на одномъ случаѣ, именно абх. *a-φsə*, которое значитъ одновременно и [дыханіе >] *душа* и [замираніе >] *мертвецъ*: такъ обстоитъ дѣло въ абжуйскомъ нарѣччі или, пожалуй, говорѣ; что касается бзыбскаго (точнѣе—*bzəb'*скаго) говора, то въ немъ *душа* глаголитъ *a-φsə*, а мертвецъ—*a-φsə*, т. е. съ дебелимъ *s*. Казалось бы, какъ то полагаютъ сами абхазы, по крайней мѣрѣ бзыбцы, напр. глубокой знатокъ родной рѣчи о. Н. С. Патеица, бзыбскій говоръ сохранилъ первоначальное состояніе языка, а въ абжуйскомъ звуковыя различія стерлись, и слова, не имѣющія по существу ничего общаго, наоборотъ, означающія «діаметрально» противоположныя понятія, случайно совпали. Сначала такъ представлялось дѣло и мнѣ. И мнѣ казалось, что такое созвучіе словъ, выражающихъ эти совершенно противоположныя понятія, свойственно только абхазскому. На самомъ же дѣлѣ звуковая дифференціація находится въ связи съ семасическою дифференціаціею, первоначально опредѣлявшеюся контекстомъ и фонетически не выражавшеюся. Какъ уже выяснено ¹⁾, абх. *φs* представляетъ перестановку *sw*, и основа слова *a-φsə* *душа*, т. е. *φsə* (<*swə) представляетъ эквивалентъ карфскаго *sul-i* *душа*, происходящаго отъ корня *swl*. И вотъ это слово лежитъ въ основѣ глаголовъ 1) *к. ъꞑꞑꞑꞑꞑꞑ sul-eba-y*, resp. съ предлогомъ *ɛs da*—*ɛsꞑꞑꞑꞑꞑꞑ da-sul-eba-y*, который означаетъ *умолканіе, замолкать* [букв. *уясаніе, замираніе, успокаиватися* ²⁾], 2) *к. ъꞑꞑꞑꞑꞑꞑ sul-bva-y* *теряніе сознанія* [букв. *уясаніе, замираніе*], съ предлогами *ɛs da*—*ɛsꞑꞑꞑꞑꞑꞑ da-*

1) Н. Марр, *Къ вопросу о положеніи абхазскаго языка среди яфетическихъ*, Мат. по яфет. языкозн. V, стр. 6.

2) Пов. *ъꞑꞑꞑ sul-e* *успокоился, умолкну* (Ш. Руставскій, 239, 1, изд. Каргичъ, 229, 1).

sul-bva¹), შე ше — შესულბვა² ше-sul-bva²). Однако, грузинский языкъ въ значеніи *уасанія*, *замыранія* растерялъ чисто картскаго происхожденія глаголы (отъ основы სულ sul). Изъ двухъ ново-грузинскихъ словъ въ значеніи *уасанія* | *уашенія*, ქობა qo-oba (ср. к. ქობი qar-i *отверзъ*) и ფსება ps-eba, послѣдній, теперь ясно до очевидности, представляетъ заимствованіе изъ абхазскаго языка³); въ основѣ его лежитъ абхазская разновидность яфетическаго слова *душа* — a-φsə, использованная въ значеніи *уасанія* | *уашенія*; этотъ абхазскій вкладъ въ грузинскомъ, хотя теперь появляющійся преимущественно въ гурійскомъ и имерскомъ говорахъ, — давнишній, и значитъ не только *уасаніе* | *уашеніе*, но и *гибель* | *разореніе*. Въ связи съ дополненіемъ ოვლი ოვლი-i (др.-гр. ὄφλι ὄφλι-i) *глазъ* то-же слово означаетъ *осмѣненіе* (букв. *уасаніе* | *уашеніе* *сѣта*, resp. [зрѣнія] *глазъ*), и въ этомъ выраженіи глаголь обыченъ и въ карталинскомъ говорѣ; корень извѣстенъ и безъ подъема w, resp. v | m въ φ: произносятся такъ же и теперь — ფსება da-vseba | ფშება da-mseba (ср. выше φsə < *swə), но, не говоря о ново-грузинскомъ, и въ древне-грузинскомъ ихъ вытѣснило заимствованное изъ родственнаго яфетическаго языка слово: такъ въ древне-грузинскомъ въ значеніи *уашенія* господствуетъ შრეტა шр-et-a-у (аор. შრეტა шр-it-a *онъ повасилъ*); глаголь находится въ формѣ породы -t, не занесенной мною въ *Основные таблицы къ грамматикѣ древне-грузинскаго языка*⁴), такъ какъ она появляется лишь спорадически у весьма немногочисленныхъ глаголовъ, однако корень въ ней въ данномъ случаѣ представленъ не полностью, а истерто — съ потерей второго коренного w, какъ наблюдаемъ то въ породѣ -t и у картскаго глагола შრეტა шр-et-a-у *иссушать до дна*, въ основѣ котораго лежатъ корень twr (ср. отсюда к. tuga-у *выжимать*, *исчерпывать до дна*). Такимъ образомъ интересующій насъ глаголь шр-et-a-у происходитъ отъ корня шwr, т. е. явнаго тубал-кайнскаго эквивалента картскаго swl, т. е. отъ того тубал-кайнскаго корня, отъ котораго въ чанскомъ и мингрельскомъ палицо შრეი шир-i *дунованіе*, *дыханіе*, *душа*, *запахъ* и т. п., эквивалентъ картскаго სულ sul-i. Слѣдовательно, въ концѣ концовъ и въ другіихъ яфетическихъ языкахъ противоположныя понятія *уасаніе*, *зими-*

1) Н. Марръ, «Исполнги, *Толкованіе Писемъ Писемъ*», стр. I. Впрочемъ, быть можетъ, -ვა, -bva представляетъ параллельную разновидность (v | m) глагола ჰვა bva-у *связываніе*, *связывать*, и въ такомъ случаѣ სულბვა sul-bva-у въ корнѣ означаетъ *завязываніе* *дыганіе*.

2) Н. Марръ, *Физиолог.* армяно-грузинскій изводъ, стр. XLV.

3) Понятно, эта разновидность яфетическаго слова, заимствованная изъ абхазскаго, не можетъ быть использована какъ доказательство родства грузинскаго съ абхазскимъ (ср. Н. Марръ, *Въ вопросу о полож. абх. языка среди яфетическихъ*, стр. 35, прим. 1).

4) С.-Иб., 1908, табл. XI.

